

Он мысленно прикинул, что на полках всё съедено, но на складе наверняка остались запасы. Однако едва он добрался до двери кладовой, как сквозь полураскрытую, готовую вот-вот отвалиться створку увидел внутри Юй Цзышэна. Кроме него, там сидели ещё двое — все трое расположились прямо на полу, с видом полноправных хозяев.

— Сун... Фэй, верно? Смотри, память у меня ещё ничего, — Юй Цзышэн даже не поднялся, но приветствие его звучало на удивление радушно.

— Неплохо, — Сун Фэй криво улыбнулся в ответ, попытался обойти троицу и пройти внутрь, но стоило ему поравняться с Юй Цзышэном, как тот внезапно вытянул ногу, и Сун Фэй едва не споткнулся.

— Твою ж мать, ты чего творишь?! — Сун Фэй вспыхнул — в такой ситуации улыбаться было выше его сил.

Юй Цзышэн изобразил сожаление:

— Прошу прощения, но еды внутри почти не осталось, поищи где-нибудь ещё.

Сун Фэю показалось, что его интеллект подвергся неслыханному оскорблению, настолько неслыханному, что он даже растерялся — то ли злиться, то ли смеяться:

— Тут полным-полно ящиков, и ты говоришь, что еды нет?

— Я, наверное, неясно выразился, — Юй Цзышэн неторопливо поднялся, отряхнул штаны от пыли и улыбнулся Сун Фэю. — Это место нашли мы, и дверь выломали тоже мы, так что всё, что здесь лежит, можно считать нашей личной собственностью. Еда есть, но не для вас.

Сун Фэй на сей раз рассмеялся по-настоящему:

— Слушайте, а вам не кажется, что я выгляжу полным идиотом?

Юй Цзышэн наклонил голову, будто глубоко задумался, и наконец серьёзно посмотрел на Сун Фэя:

— Если вы собираетесь драться, то «выглядите» тут ни при чём.

То есть — вы и есть идиот.

Но Сун Фэй определённо не был идиотом. Дело не только в том, есть ли у него шансы один против троих, — важнее, сколько проблем принесёт минутная вспышка. Один против троих — он отделается синяками, но если семнадцать их пойдут против шестерых, это уже вопрос жизни и смерти.

Все пятеро знали, что Сун Фэй пошёл за тушёнкой, но он направился было к продуктовому отделу, а вернулся со стороны склада, с пустыми руками и убитым видом — и всё стало ясно.

Однако понимать и принимать — это разные вещи.

— И правда не дадут? — голос Чжоу Илюя прозвучал почти шёпотом, но под этой тишиной едва сдерживался гнев.

Сун Фэй пожал плечами, усмехнулся:

— Говорят, место нашли они, дверь выломали они, так что содержимое — их личная собственность. Еда есть, но не для нас.

— Ну ёбанный в рот, это же какая-то суперлогика!

Ло Гэн уже рванулся было встать, но Линь Дилэй вцепилась ему в рукав; он всё ещё пытался вырваться, пока Сяо Дилей не метнула в него острый взгляд и не рявкнула:

— Сидеть!

Ло Гэн мгновенно приклеился к подстилке и больше не шелохнулся.

— Если бы можно было пробиться силой, я бы ещё в кладовке с ними подрался, — сказал Сун Фэй, и эти слова предназначались прежде всего Ло Гэну.

Но Ло Гэн не мог взять в толк:

— Не силой — так хочешь хитрить? Участок-то крошечный, ты их обхитришь, а они потом не отнимут обратно?

— Может... попросим по-хорошему, умолять будем? — робко предложил Цяо Сыци.

Чжоу Илюй окинул его острым взглядом, от которого мороз по коже.

Цяо Сыци втянул голову в плечи и замолчал.

Как тот, кого уже ограбили в общежитии, Чжоу Илюй с самого начала не питал иллюзий, что всё обернётся хорошо, — но не ожидал, что ухудшится так быстро.

Немного помолчав, Чжоу Илюй вдруг схватил оружие, которое из сушильного ножа превратилось в сушильный пистолет, провёл большим пальцем по лезвию, глаза его сощурились:

— Если уж совсем невмоготу...

— Нельзя! — Цяо Сыци, хоть и дал себе слово молчать, но раз речь зашла о границах дозволенного, решил — хоть убей, а скажу. — Эти люди, какие бы сволочи ни были, всё равно живые души! Нельзя же ночью, когда все спят, потихоньку их прикончить, а трупы сбросить — скажем, зомби загрызли! Даже если никто не узнает, мы до конца жизни будем в крови!

Сун Фэй: «...»

Ци Янь: «...»

Ло Гэн: «...»

Чжоу Илюй: — Я хотел сказать, если уж совсем невмоготу — свалим отсюда пораньше!

Линь Дилэй: — И почему в твоём «нельзя» столько осуществимых деталей...

Они просидели вшестером, обсуждая, почти до середины дня. Хотя отдел с основными продуктами опустел, закуски ещё не конфисковали, так что вокруг валялась куча скорлупы от фисташек.

— Действительно уходить? Снаружи-то шансов — один к десяти, может, попробуем ещё побороться? — Хотя они уже обговорили, как дойти до столовой, как закрывать двери и что делать в экстренных случаях, Цяо Сыци всё ещё боялся и считал, что в супермаркете как-никак спокойнее, чем снаружи.

Чжоу Илюй беззлобно выхватил у него недоеденный пакет фисташек и шлёпнул в сторону, запретив тому грызть, как белке, и подрывать боевой дух:

— Еды столько, что если мы съедим — им не достанется. Как ты собираешься бороться?

Цяо Сыци вскинул подбородок:

— У нас же ключ от входной двери! Вот и поторгуемся: скажем, не дадите нам жить — откроем дверь, и все погибнем, никому не сдобровать.

Ци Янь холодно спросил:

— А если они всё равно не дадут — ты и правда откроешь?

Цяо Сыци смутился:

— Так мы же все умрём! Нет, конечно, просто припугнуть.

Ло Гэн вздохнул:

— Если ты не готов открыть по-настоящему — не напугаешь. Такая осада максимум минут десять, и они раскусят твою игру. Даже если первый раз пройдёт — а в следующий? Каждый раз, как поест, устраивать смертельную схватку?

— И даже если они не придут, через месяц-другой нам всё равно придётся менять позицию, мы просто переносим план, — сказал Сун Фэй, возвращая Цяо Сыци отобранные Чжоу Илюем фисташки. — Так что сейчас ешь, что хочешь, не обижай себя.

Цяо Сыци сжал пакет с фисташками... Слова Сун Фэя не то чтобы не навевали аппетита — они скорее заставляли рефлекторно спрашивать себя, сколько ему ещё жить осталось, и фисташки уже не радовали!

Долгое сидение на месте утомляло; раз уж решение принято, все потянулись, размяли шеи, а Чжоу Илюй и вовсе лёг, вытянувшись, чтобы накопить силы перед прорывом.

Линь Дилэй глубоко выдохнула и встала, и Сун Фэй тут же поднялся следом.

Линь Дилэй подозрительно оглядела его:

— Опять совпадение?

Сун Фэй хмыкнул:

— Такое волшебство.

Ло Гэн не выдержал и наконец вставил:

— Эй, хватит уже! Ты с самого вчерашнего дня ходишь за ней в туалет, ни разу не пропустил — это что вообще значит?

Сун Фэй изобразил невинность:

— Нужда бывает разная, я же не контролирую.

Ло Гэн хотел ещё что-то сказать, но Линь Дилэй одним вопросом заставила его замолчать:

— Может, тоже пойдёшь?

Ло Гэн поспешно замотал головой. В его простом сознании ходить за девушкой в туалет — поведение озабоченного, но Сун Фэй ведь гей, так что Ло Гэн никак не мог решить, относить ли его поступки к категории извращенцев-преследователей или к подружеской солидарности. Ведь ходить в уборную компаниями — любимое занятие девушек, хотя парни никогда этого не поймут.

Как обычно, Сун Фэй и Линь Дилэй плечом к плечу дошли до туалета; как обычно, Сун Фэй, убедившись, что внутри никого нет, сказал:

— Я закрою дверь, ты первая.

Дверь, которую он собирался закрыть, была не кабинки, а входная. Закрыв её, он остался стоять снаружи, пока Линь Дилэй внутри — его объяснение: если заходить вместе, слышать друг друга слишком неловко. Обычно, когда Линь Дилэй выходила, он торопил её возвращаться к группе, а потом уже справлял нужду сам.

Но на этот раз Линь Дилэй не пошла внутрь как обычно, а резко дёрнула Сун Фэя за собой.

Сун Фэй думал, они уже всё молча обговорили, и от неожиданности опешил; когда сообразил, что происходит, его уже прижали к стене туалета.

Линь Дилэй была ростом сто семьдесят два — чуть ниже его ста семидесяти шести, но когда она упёрлась рукой в стену, в этой «стенке» было столько напора, что хоть стой, хоть падай.

— О чём они там говорили? — спросила она без предисловий, без лишних слов.

Сун Фэй так удивился, что выпалил:

— Откуда ты знаешь?

Линь Дилэй закатила глаза:

— Ты ведёшь себя настолько странно, что если бы я не догадалась — была бы круглой душой. Всякая перемена имеет причину, но с моей стороны ничего необычного не происходило. Значит, ты что-то услышал и теперь, стоит мне захотеть в туалет, ты тут же начеку.

Он сторожил не её поход в уборную — он сторожил, чтобы она не осталась одна.